

СЕМИГРАДЬЕ

Малазанская империя около 1160 года Сна Огни

На Квон-Тали

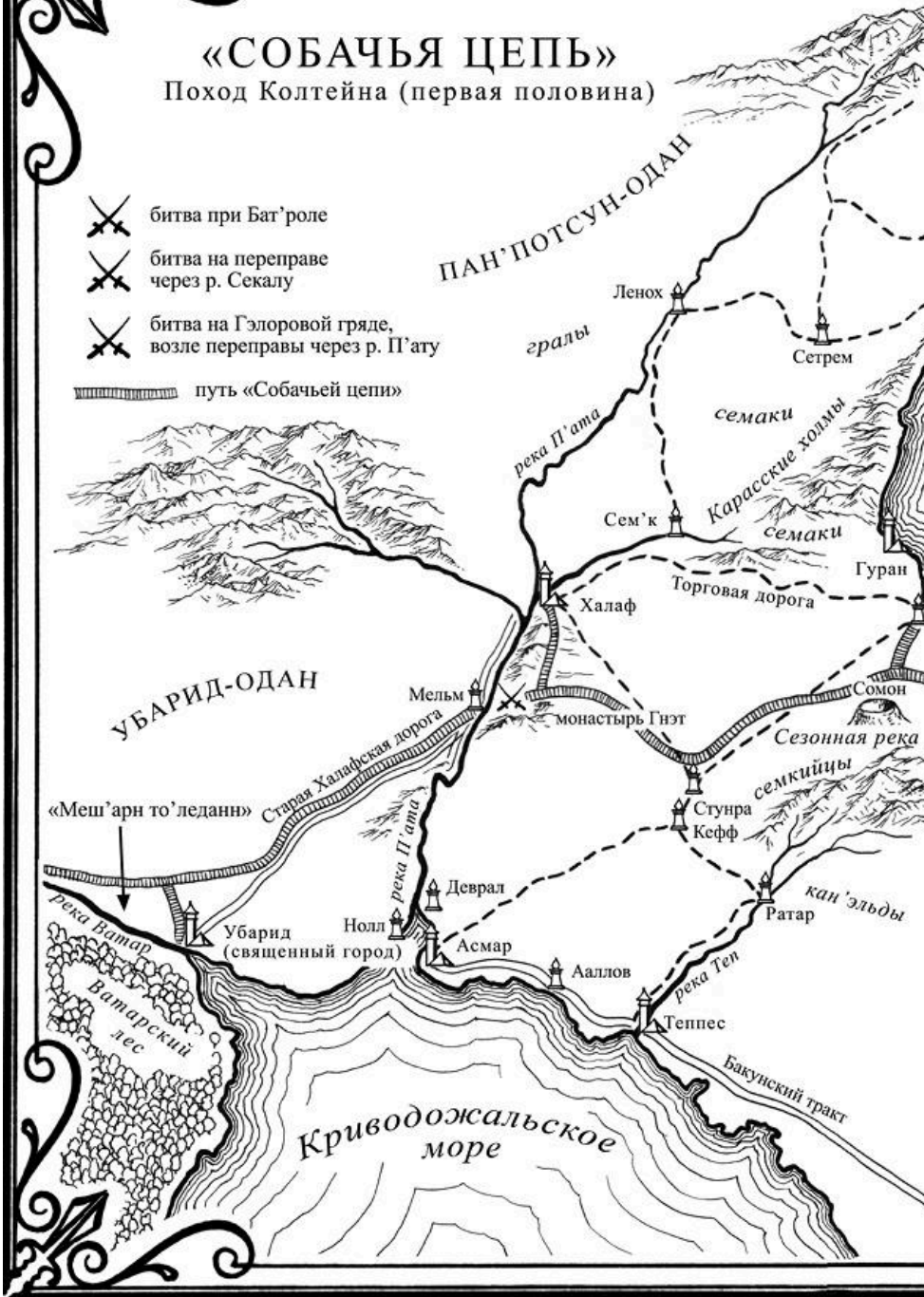
К Фаларским островам

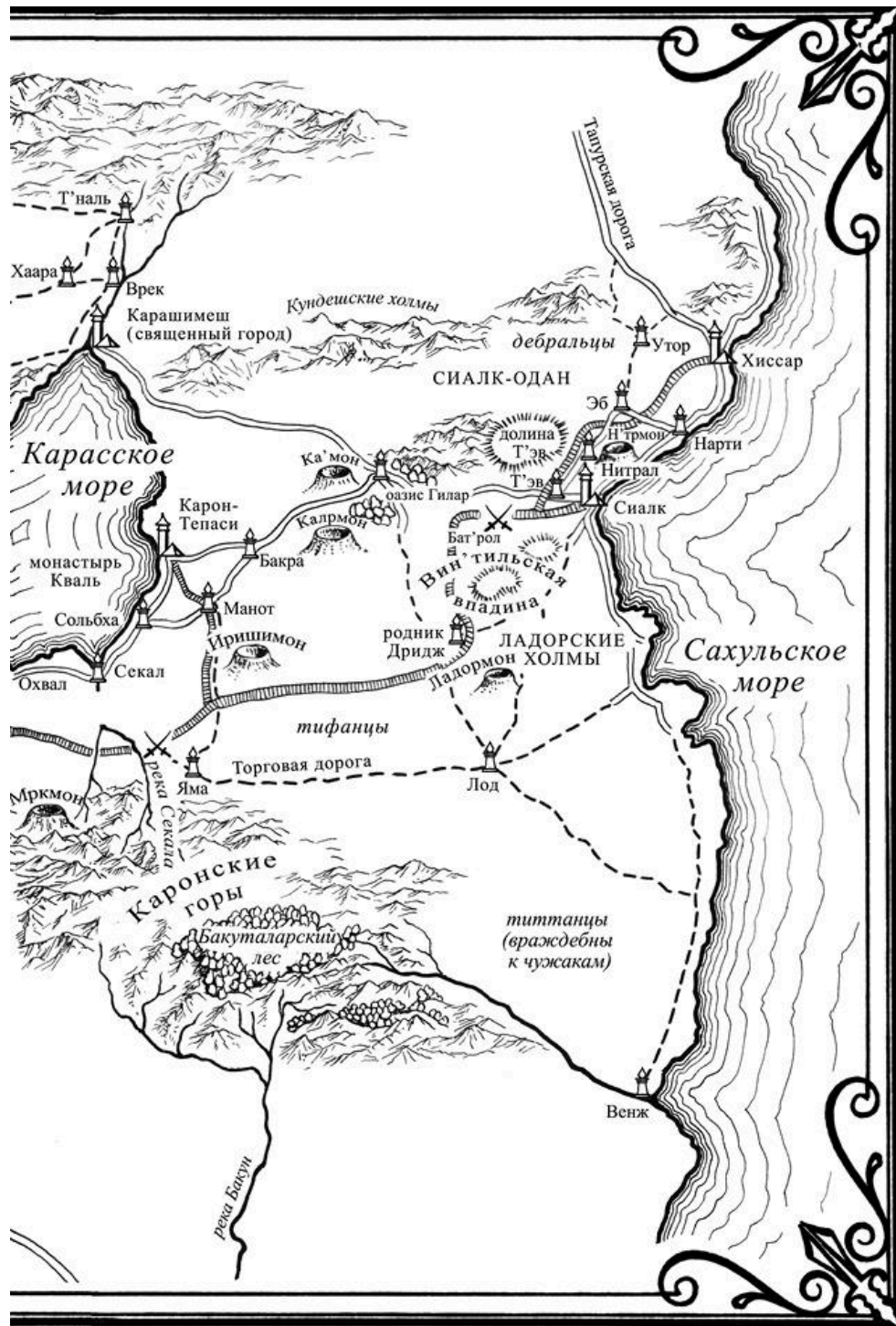
«СОБАЧЬЯ ЦЕПЬ»

Поход Колтейна (первая половина)

- битва при Бат'роле
- битва на переправе через р. Секалу
- битва на Гэлоровой гряде, возле переправы через р. П'ату

 путь «Собачьей цепи»

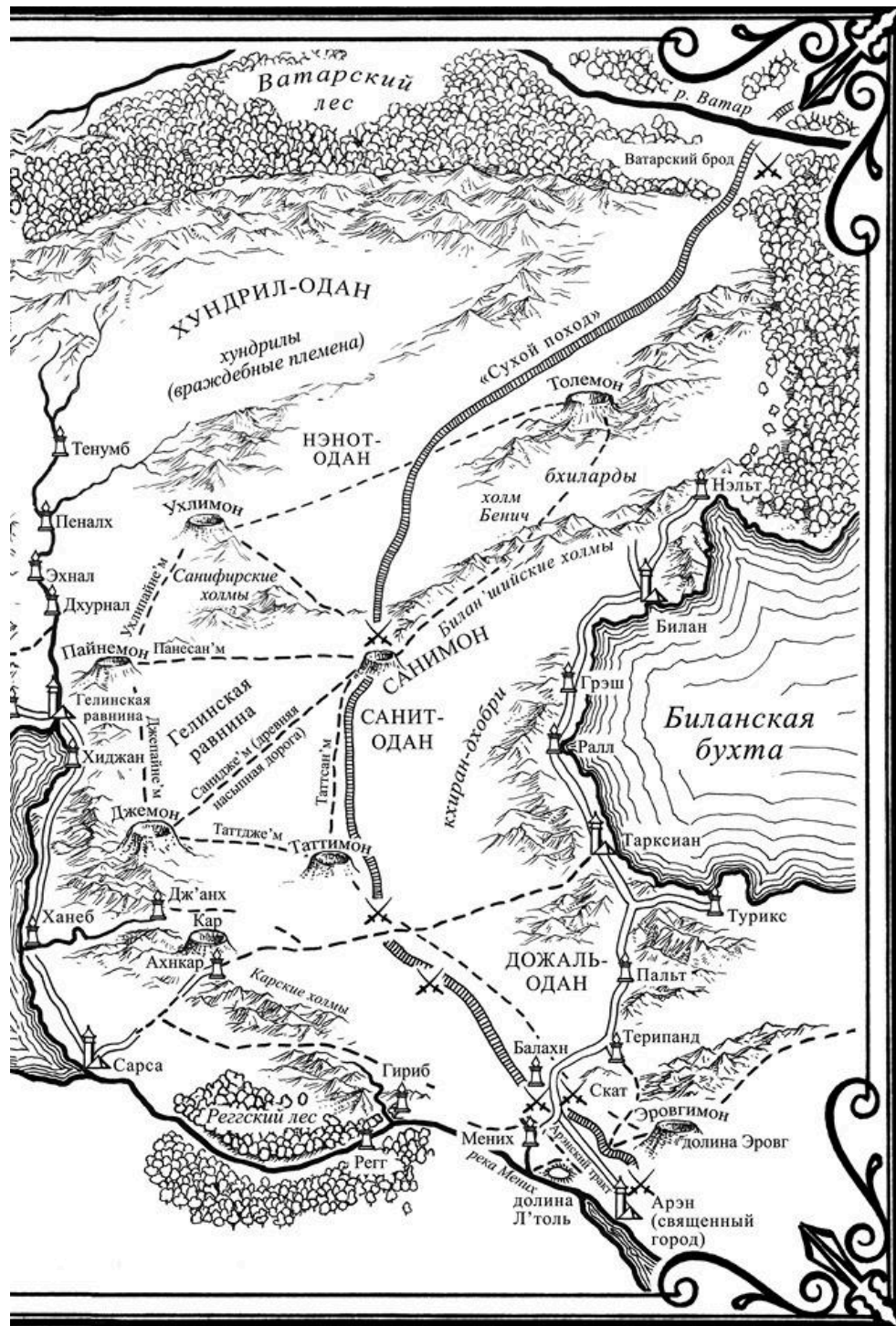

«СОБАЧЬЯ ЦЕПЬ»

Поход Колтейна (вторая половина)

- ✕ битва на переправе через р. Ватар
- ✕✕ битва близ кургана Сансимон
- ✕✕✕ битва близ кургана Таттимон
- ✕✕✕✕ Дожальское сражение
- ✕✕✕✕✕ битва близ деревни Балахи
- ✕✕✕✕✕✕ битва на Скате (начало Арэнского тракта)
- ✕✕✕✕✕✕✕ битва на подступах к Арэну (последняя битва Колтейна)

Действующие лица

НА ТРОПЕ ЛАДОНЕЙ

Икарий — странствующий яггут-полукровка

Маппо — его спутник, трелль

Искарал Прыщ — верховный жрец Тени

Рилландарас — Белый Шакал, д'иверс

Мессремб — одиночник

Гриллен — д'иверс

Могора — д'иверс

МАЛАЗАНЦЫ

Фелисин — младшая дочь из дома Паранов

Геборик Легкая Рука — ссыльный историк и бывший жрец Фэнера

Бодэн — спутник Фелисин и Геборика

Скрипач — Девятый взвод, сжигатели мостов, сапер

Крокус — молодой парень, бывший вор из Даруджистана

Апсалар — Девятый взвод, сжигатели мостов, новобранка

Калам — Девятый взвод, сжигатели мостов, капрал

Дукер — имперский историк

Кальп — Седьмая армия, кадровый маг

Маллик Рэл — главный советник первого кулака Семиградья

Саварк — начальник охраны на отатараловых рудниках в Черепке

Пелла — солдат, расквартированный в Черепке

Пормкваль — первый кулак Семиградья, ставка которого находится в
Арэне

Блистиг — командир Арэнского городского гарнизона

Шик — глава когтей

Сон — капитан сIALKских военных моряков

Ченнед — Седьмая армия, капитан

Сульмар — Седьмая армия, капитан

Лист — Седьмая армия, капрал

Глазок — сапер

Спрут — сапер
Геслер — капрал береговой охраны
Ураган — солдат береговой охраны
Истин — солдат береговой охраны, новобранец
Прищур — лучник
Жемчуг — коготь
Капитан Кенеб — беженец
Сэльва — жена Кенеба
Минала — сестра Сэльвы
Кесен — старший сын Кенеба и Сэльвы
Ванеб — младший сын Кенеба и Сэльвы
Капитан торгового судна «Затычка»

ВИКАНЦЫ

Колтейн — кулак, командующий Седьмой армией
Темул — молодой копейщик
Сормо И'нат — колдун
Нихил — колдун
Бездна — колдунья, его сестра
Бальт — опытный полководец и по совместительству родной дядя Колтейна

«КРАСНЫЕ КЛИНКИ»

Барья Сэтрал (Досин-Пали)
Мескер Сэтрал, его брат (Досин-Пали)
Тин Баральта (Эрлитан)
Аральт Арпат (Эрлитан)
Лостара Йил (Эрлитан)

АРИСТОКРАТЫ В «СОБАЧЬЕЙ ЦЕПИ» (МАЛАЗАНЦЫ)

Нэттпара

Ленестро
Пуллик Алар
Тамлит

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ АПОКАЛИПСИСА

Ша'ик — предводительница восстания
Леоман — командир армии Апокалипсиса в Рараку
Тоблакай — телохранитель Ша'ик и воин Апокалипсиса в Рараку
Корболо Дом — кулак-предатель, полководец армии мятежников
Камист Релой — высший маг в армии мятежников
Фебрил — маг и первый советник Ша'ик
Л'орик — маг Апокалипсиса в Рараку
Бидитал — маг Апокалипсиса в Рараку
Мебра — шпион в Эрлитане

ПРОЧИЕ

Салк Элан — загадочный путешественник
Хентос Ильм — заклинательница костей у т'лан имассов
Легана Брид — т'лан имасс
Олар Этил — заклинательница костей у т'лан имассов
Кимлок — таннойский духовидец
Бенет — главарь каторжников в Черепке
Ирп — маленький прислужник
Радд — еще один маленький прислужник
Апт — демоница-аптори
Панек — ребенок, которого усыновила Апт
Карполан Демесанд — торговец
Була — хозяйка таверны
Паннионский Провидец — таинственный пророк и тиран, правитель земель к югу от Даруджистана
Котильон — бог, Покровитель Убийц
Престол Тени — владыка Высокого Дома Тени
Реллок — слуга Искарала Прыща

Моби — крылатая обезьянка, фамильяр
Псы Тени (Гончие Тени):

Барен

Бельмо

Зубец

Крест

Шан

Пролог

Что видишь ты
На потемневшем горизонте,
Но все ж не в силах
Заслонить рукой?

Ток-младший. Сжигатели мостов

1163-й год Сна Огни

Девятый год правления императрицы Ласин

Год Великой чистки

С трудом волоча ноги, он вошел с аллеи Душ в Круг Правосудия — будто уродливое облако из мух. Сонмы жужжащих насекомых с бессмысленной настойчивостью ползали по его телу; иногда они отваливались черными блестящими комьями и разбивались о булыжники мостовой, разлетались в стороны обезумевшими роями.

Час Жажды близился к концу, и жрец шел, пошатываясь, — слепой, глухой и безмолвный. В этот день служитель Худа, Владыки Смерти, почтил своего бога и присоединился к другим собратьям, которые раздевали казненных убийц и смазывали себя кровью мертвецов — той самой кровью, что хранилась в громадных амфорах, стоявших вдоль стен в нефе храма. Затем торжественная процессия жрецов двинулась по улицам Унты, чтобы поприветствовать посланников своего бога и присоединиться к пляске смерти, которой был отмечен последний день Пору Гниения.

Стражники, расставленные по периметру площади, посторонились, давая жрецу пройти, а потом еще сильнее расступились, пропуская жужжащее живое облако, что следовало за ним. Небо над Унтой по-прежнему казалось скорее серым, чем голубым, потому что мухи, влетевшие на рассвете в столицу Малазанской империи, поднялись в воздух и медленно двинулись над заливом в сторону соленых болот и подтопленных островков за рифом. Мор пришел вместе с Порой

Гниения, которая теперь являлась неслыханно часто — вот уже в третий раз за последние десять лет.

Воздух в Круге Правосудия все еще гудел и переливался, словно в нем висела взвесь из крупного песка. Где-то на соседней улице отчаянно скулила издыхающая собака, а рядом с центральным фонтаном на площади лежал полумертвый мул и слабо сучил ногами. Мухи пробрались внутрь через все отверстия, и теперь несчастное животное раздуло от газов. Мул, упрямый, как и все его сородичи, отчаянно сопротивлялся, и агония длилась вот уже около часа. Когда старик слепо прошаркал мимо, насекомые взлетели с мула и влились в жужжащее облако, окутывающее человека.

Фелисин было совершенно ясно, что жрец Худа ковыляет прямо к ней. Он смотрел на мир тысячью крошечных мушиных глаз, и бедняжке казалось, будто все они в упор устремлены на нее. Но даже нараставший в душе ужас не мог сорвать покров оцепенения, которым было окутано сознание девушки; это чувство, что поднималось внутри, скорее являлось воспоминанием о пережитых страхах.

Эта была уже третья Пора Гниения в жизни Фелисин. И если самую первую она почти позабыла, то вторую помнила во всех деталях, ибо с тех пор прошло всего три года. Фелисин провела тот день в безопасности, под защитой семейной усадьбы, за крепкими стенами дома, где все окна были закрыты ставнями, щели заткнуты тканью, а во дворе и на высоких стенах стояли жаровни, от которых исходил густой дым тлеющих листьев истаарла. Последний день Пору Гниения и Час Жажды были для нее мгновениями неприятными, даже отвратительными, но не более того. Тогда она и не думала о бесчисленных городских нищих, об одичавших животных, которым негде было спрятаться, и даже о просто небогатых горожанах, которых потом насильно заставляли убирать улицы столицы.

А теперь все изменилось: тот же самый город, но совершенно другой мир.

Девушка гадала, пропустят ли стражники жреца, подходившего все ближе и ближе к жертвам Великой чистки, которую затеяла императрица Ласин. Поскольку этот служитель культа ничего не видел и не слышал из-за окружавшего его облака мух, то он вроде как двигался наобум, однако Фелисин нутром чуяла: ох, неспроста этот

человек направляется именно сюда. Интересно, сдвинутся ли с места солдаты в высоких шлемах? Попробуют ли они провести жреца через Круг Правосудия подальше от арестованных?

— Сомневаюсь, — сказал Фелисин ее товарищ по несчастью, сидевший на корточках справа от девушки. И пояснил: — Нет, я не умею читать мысли, просто вижу, как ты судорожно переводишь взгляд с охранников на жреца и обратно. — В его глубоко запавших глазах сверкнуло что-то похожее на веселье.

Высокий молчаливый мужчина слева от нее медленно поднялся на ноги, натянув цепь. Фелисин поморщилась, когда кандалы дернулись и врезались в кожу, а сосед скрестил руки на покрытой шрамами груди. Он посмотрел на приближавшегося жреца, но промолчал.

— Что нужно от меня служителю Худа? — прошептала Фелисин. — Чем я заслужила его внимание?

Мужчина справа перенес вес тела на пятки и подставил лицо лучам слепополуденного солнца.

— Ох, Королева Грез, никак с этих пухлых нежных губ слетают слова самолюбивой юности? Или же это просто дает знать о себе благородная кровь: ведь аристократы привыкли считать, будто весь мир вертится вокруг них.

Фелисин нахмурилась:

— Ну вот, начинается. Как было хорошо, пока ты молчал. Я уж подумала, что ты спишь или умер.

— Мертвецы, да будет тебе известно, девочка, на корточках не сидят, они лежат пластом. А жрец Худа идет вовсе не к тебе, а ко мне.

Фелисин обернулась, и цепь между ними звякнула. Ее сосед справа больше напоминал жабу с запавшими глазами, чем человека. Лысый череп и лицо его покрывали тонкие черные линии татуировки, в затейливом узоре скрывались мелкие квадратные символы, которых насчитывалось столько, что кожа казалась сморщившимся пергаментным свитком. На старике не было ничего, кроме изодранной набедренной повязки — когда-то красной, но теперь сильно выцветшей. По всему его телу ползали мухи; насекомые не спешили улетать и танцевали по коже — но, вдруг поняла Фелисин, делали они это вовсе не беспорядочно! Неожиданно причудливая татуировка превратилась в четкую картинку: на лицо старика накладывалась

морда вепря, замысловатый лабиринт курчавого меха струился вниз, на руки, охватывал бедра и голени, а ступни украшало тщательно прорисованное изображение копыт. До сих пор Фелисин была слишком потрясена случившимся и поглощена собственными переживаниями, чтобы обратить внимание на соседей по шеренге, скованных цепью узников, а теперь сообразила: этот человек был жрецом Фэнера, Вепря Лета, и мухи, казалось, это знали, понимали настолько, что даже изменили свой безумный маршрут. У старика не было кистей обеих рук, и сейчас девушка с болезненным восхищением смотрела, как насекомые собирались на его культиях, не коснувшись по пути к ним ни единой черточки татуировки. Мухи вились в безумном танце, всячески стараясь избежать знаков бога, но тем не менее плясали алчно и рьяно.

Жрец Фэнера был прикован в шеренге самым последним. Кандалы охватывали его лодыжки, хотя остальным железные полосы сковывали запястья. Ступни старика были покрыты кровью, и мухи вились над ними, но не садились. Фелисин заметила, что сосед резко распахнул глаза, когда его внезапно накрыла чья-то тень.

Это был жрец Худа. Цепь загремела, когда все узники слева от Фелисин попытались отодвинуться как можно дальше. Стена за спиной оказалась горячей, а плитка — украшенная сценами, которые изображали пышные имперские церемонии, — впиалась в тело сквозь тонкую тунику. Фелисин не могла отвести глаз от окутанной облаком мух фигуры, которая безмолвно возвышалась над сидевшим жрецом Фэнера. Девушка не видела даже клочка кожи, вообще ничего от самого человека: мухи покрывали его полностью, под ними он жил во тьме, где даже жар солнца не смог бы его коснуться. Облако с жужжанием растеклось в стороны, и Фелисин отшатнулась, когда холодные лапки насекомых коснулись ее ног, быстро двинулись вверх по бедрам; бедняжка испуганно прижала подол туники и плотно сдвинула ноги.

Жрец Фэнера заговорил, его широкое лицо словно бы треснуло в мрачной ухмылке:

— Час Жажды миновал, аколит. Возвращайся в свой храм.

Служитель Худа ничего ему не ответил, но Фелисин показалось, что жужжание начало звучать в иной тональности: оно делалось все ниже

и ниже, пока не стало отдаваться у нее в костях.

Жрец сощурился, и голос его зазвучал по-другому:

— Ну же, довольно. Я и вправду был когда-то слугой Фэнера, но это в прошлом — годы утекли, а касание Фэнера не сходит с моей кожи. Однако похоже, что, хотя Вепрь Лета и не слишком-то меня жалует, тебя он не любит еще больше.

Фелисин показалось, будто что-то у нее в душе дрогнуло, когда жужжание вновь начало меняться, складываясь в понятные слова:

— Секрет... покажу... сейчас...

— Так давай! — прорычал бывший служитель Фэнера. — Показывай!

Кажется, именно тогда и вмешался сам Фэнер: то ли бог пришел в ярость, то ли бессмертные просто решили подшутить над людьми, ибо то, что произошло дальше, оказалось недоступно пониманию девушки. Так или иначе, Фелисин навсегда запомнила этот миг и впоследствии часто о нем думала: волна ужаса прорвала дамбу бесчувственного оцепенения, когда покров из мух вдруг взорвался, разлетелся во все стороны, а внутри его... никого не оказалось.

Бывший жрец Фэнера дернулся, как от удара, и пораженно распахнул глаза. На другой стороне площади полдюжины стражников беззвучно открывали рты, не в силах вымолвить ни звука. Цепь лязгнула, когда остальные узники рванулись прочь, будто собирались сбежать. Железные кольца в стене, через которые была пропущена цепь, заскрежетали, но выдержали. Охранники бросились вперед, и шеренга арестованных снова замерла.

— А вот этого, — потрясенно пробормотал покрытый татуировками старик, — я ничем не заслужил.

Прошел час, и за это время потрясение и ужас от появления загадочного жреца Худа улеглись в сознании Фелисин, став новым слоем — самым свежим, но далеко не последним — бесконечного кошмара. Аколит бога Смерти... которого на самом деле не было. Жужжание мух, которое складывалось в слова.

«Может, это был сам Худ? Неужели он вновь ходит среди смертных? Но зачем же он тогда остановился перед бывшим жрецом Фэнера — в

чем смысл этого откровения?»

Но вопросы постепенно поблекли, сознание снова сковала бесчувственность, а в душу вернулось холодное отчаяние. Императрица провела среди знати Великую чистку, конфисковала богатства дворян, а после стандартных обвинений в измене и предательстве многие представители аристократических фамилий оказались закованными в цепи. Вот только непонятно, как попали сюда бывший жрец Фэнера и другой сосед Фелисин — огромный чумазый громила, с виду типичный разбойник-головорез: ни тот ни другой явно не мог похвастаться благородным происхождением.

Фелисин тихонько рассмеялась, и оба мужчины вздрогнули.

— Неужто, девочка, тебе открылось, в чем смысл секрета, который сообщил нам Худ? — спросил бывший жрец.

— Нет.

— Так что же тогда тебя развеселило?

Она неопределенно покачала головой.

«А я-то рассчитывала оказаться в приличном обществе — ага, как бы не так! Тут поневоле продемонстрируешь то самое высокомерие, в котором императрица Ласин вечно упрекает знать...»

— Дитя мое!

Голос принадлежал пожилой женщине; он звучал по-прежнему надменно, но с нотками томительного отчаяния. Фелисин на миг зажмурилась, а затем выпрямилась и отыскала глазами в шеренге за громилой тощую старуху. Та была одета в ночную рубашку, изорванную и запачканную.

«Ничем иным, как благородной кровью».

— Госпожа Гейсен?

Старуха вытянула вперед дрожащую руку:

— Да! Это я, госпожа Гейсен! Вдова господина Гилрака... — Слова прозвучали неуверенно, словно бы женщина и сама сомневалась в том, что сказала. Старуха нахмурилась, так что толстый слой пудры, скрывавший морщины, пошел трещинами, и ее покрасневшие глаза впились в девушку. — А я ведь тебя знаю, — прошипела она. — Ты Фелисин, младшая дочь дома Паранов!

Фелисин похолодела. Она отвернулась и посмотрела на стражников, которые, опираясь на пики, стояли в тени: передавали друг другу

фляжку с элем и отгоняли последних мух. За мулом приехала телега, из нее выпрыгнули четверо измазанных пеплом мужчин с веревками и баграми. За стенами, окружавшими площадь, вздымались раскрашенные башни и купола с детства знакомых зданий Унты. Девушка тосковала по затененным улочкам столицы, скучала по беззаботной жизни, которой наслаждалась еще неделю тому назад. Фелисин вспомнила, как Себри, обучавший ее ездить на лошади, недовольно ворчал, что она не смотрит, куда направляет свою любимую кобылу. И как она поднимала глаза и видела зеленую изгородь из кустов, отделявшую площадку для верховой езды от семейных виноградников.

Громила рядом хмыкнул:

— Худовы пятки, а у этой сучки есть чувство юмора.

«О чем он говорит?» — с досадой подумала Фелисин. Девушка была недовольна тем, что ее отвлекли от приятных воспоминаний, однако смогла сохранить отрешенное выражение лица.

Бывший жрец слегка оживился:

— Сестры вечно ссорятся, такое случается сплошь и рядом. — Он помолчал, а затем сухо добавил: — Но это уже явный перебор.

Головорез снова хмыкнул и наклонился вперед так, что его тень упала на Фелисин:

— А ты у нас, выходит, жрец-расстрига? Что, поперла тебя императрица из храма?

— Ласин тут ни при чем. Я давно уже распрощался с благочестием. Уверен, что императрице больше понравилось бы, если бы я остался в монастыре.

— Да ей ровным счетом наплевать, — презрительно заявил громила и принял прежнюю позу.

— Ты должна поговорить с сестрой, Фелисин! — проскрежетала госпожа Гейсен. — Пусть Тавора попросит за нас! У меня есть богатые друзья...

Услышав это заявление, верзила расхохотался:

— Ты глянь в начало шеренги, старая карга, там и найдешь своих богатеньких друзей!

Фелисин только головой покачала.

«Поговорить с сестрой, как же! Прошли уже месяцы с того дня, как

мы в последний раз беседовали. И с тех пор — ни слова. Даже когда отец умер».

Воцарилась тишина, почти такая же глубокая и нерушимая, как и до этого. А затем бывший жрец откашлялся, сплюнул и пробормотал:

— Не стоит искать спасения у женщины, которая просто исполняет чужие приказы, и не важно, что она сестра этой девочки...

Фелисин поморщилась и гневно посмотрела на старика:

— Ты что, воображаешь, будто...

— Да ничего он не воображает, — проворчал разбойник. — Просто забудь о голосе крови, обо всем, что это там, по-твоему, должно значить. Конечно, учитывая, кто ты такая, тебе, наверное, больше по нраву считать это личной мезью...

— Учитывая, кто я такая? — Фелисин хрипло расхохоталась. — А вот кто такой ты сам? Какой из домов считает тебя родичем?

Громила ухмыльнулся.

— Дом Позора. Слыхала про такой? А что, ничуть не хуже ваших задрипанных благородных семейств!

— Я так и думала, — заявила Фелисин, с трудом делая вид, что ее ничуть не задело последнее замечание. Она покосилась на стражников. — Да что происходит? Почему мы до сих пор торчим здесь?

Бывший жрец снова сплюнул:

— Час Жажды миновал. Толпу снаружи следует определенным образом подготовить. — Он исподлобья посмотрел на Фелисин. — Простолюдинов надо раззадорить. Мы — самые первые, девочка, и должны стать примером на будущее. То, что творится здесь, в Унте, должно потрясти всю знать Малазанской империи.

— Чушь! — возмутилась госпожа Гейсен. — С нами будут обращаться достойно. Императрица просто обязана обращаться с нами достойно...

Громила хмыкнул в третий раз (это он так смеется, поняла Фелисин) и сказал:

— Если бы глупость считалась преступлением, госпожа Гейсен, вас бы арестовали еще много лет тому назад. Старый хряк прав. Немногие из нас доберутся до кораблей. Это шествие по Колонному проспекту превратится в кровавую баню. Но учтите, — добавил он, поглядывая на стражников, — Бодэн не допустит, чтобы его разорвала в клочья

толпа простолюдинов.

Фелисин почувствовала, что в животе у нее шевельнулся настоящий ужас.

— Не возражаешь, если я буду держаться поближе к тебе, Бодэн?

Громила посмотрел на нее сверху вниз:

— Слишком ты пухленькая, как на мой вкус. — Он отвернулся, а затем проговорил: — Но делай что пожелаешь, я не против.

Бывший жрец наклонился поближе:

— Уж не знаю, девочка, что вы там не поделили, но вряд ли все так серьезно. Скорее всего, твоя сестра просто хочет убедиться, что ты...

— Тавора мне больше не сестра. Она теперь — адъюнктесса императрицы, — отрезала Фелисин. — Тавора отреклась от своего дома по приказу Ласин.

— Пусть так, но сдается мне, дело тут все-таки в сведении личных счетов.

Фелисин нахмурилась:

— Тебе-то откуда знать?

Старик отвесил насмешливый полупоклон:

— О, у меня богатый жизненный опыт. Был некогда вором, затем — жрецом, теперь стал историком. Мне хорошо известно, в каком тяжелом положении оказались благородные семейства.

Фелисин от удивления широко раскрыла глаза и тотчас выругала себя за глупость. Даже Бодэн, который, разумеется, все услышал, наклонился поближе и внимательно на них посмотрел.

— Да ведь это же Геборик, — заявил он. — Геборик Легкая Рука.

Старик вскинул изувеченные руки и иронически хмыкнул:

— Да уж, легче некуда.

— Так это ты переписал историю, — проговорила Фелисин. — Совершил подлог, подтасовал факты...

Жесткие брови Геборика поднялись в притворном ужасе.

— Боги упасите! Какой там подлог! Философское расхождение во взглядах, ничего больше! Так, кстати, и сам Дукер сказал на суде: он ведь в мою защиту выступил, благослови его Фэнер.

— Да вот только Ласин к нему не прислушалась, — ухмыльнулся Бодэн. — Ты ведь сперва обозвал ее убийцей, а потом еще набрался наглости заявить, что она плохо управляет Малазанской империей!

— А ты, парень, как я посмотрю, запрещенные книги читаешь, да?
Бодэн растерянно заморгал.

— Так или иначе, — продолжил Геборик, обращаясь к Фелисин, — я бы предположил, что твоя сестра, адъютантесса Тавора, побеспокоится о том, чтобы ты добралась до корабля живой. Когда твой брат бесследно пропал в Генабакисе, ваш отец не пережил этого и умер... Так говорят, — добавил он с ухмылкой. — Но именно слухи об измене капитана Парана по-настоящему прищипорили твою сестру, верно? Она решила, что нужно очистить родовое имя и тому подобное...

— Тебе не откажешь в логике, Геборик, — с горечью ответила Фелисин. — Да, все так и было. Мы с Таворой разошлись во мнениях, и вот — взгляни на результат.

— Во мнениях о чем именно?

Девушка промолчала.

Вдруг шеренга пришла в движение. Стражники вытянулись во фронт и обернулись к Западным воротам. Фелисин побледнела, когда увидела свою сестру — адъютантессу Тавору, сменившую на этом посту Лорн, которая погибла в Даруджистане. Тавора ехала на собственном жеребце, самом лучшем, что нашелся в конюшнях дома Паранов. Ее, как обычно, сопровождала Ян'тарь, красивая молодая женщина с гривой длинных волос рыжеватого цвета, которые вполне оправдывали такое имя. Никто не знал, откуда Ян'тарь родом, но теперь она стала личной помощницей Таворы. Вслед за ними на плац въехали несколько офицеров и рота тяжелой кавалерии. Солдаты выглядели необычно, словно иноземцы.

— Какая ирония! — пробормотал Геборик, разглядывая всадников.
— Знаете, кто это?

Бодэн склонил голову и сплюнул:

— «Красные клинки», задохлики ублюдочные.

Историк удивленно покосился на него:

— А тебя, видать, поносило по белу свету, а, Бодэн? Может, ты и Арэнскую гавань видел?

Громила недовольно поежился, а затем пожал плечами:

— Угадал, хряк. Довелось пару раз постоять на корабельной палубе. Да к тому же, — добавил он, — в городе об этих «красных клинках» судачат уже больше недели.

Отряд солдат выстроился, и Фелисин увидела, как латные рукавицы сжимаются на рукоятках мечей, а остроконечные шлемы поворачиваются — все как один — к адъюнктессе.

«Сестрица Тавора, неужели исчезновение нашего брата так глубоко тебя ранило? Сколь же ужасным преступлением кажется тебе его измена, если ты решила заплатить за нее такую цену... А потом, чтобы показать свою абсолютную преданность Ласин, ты надумала пожертвовать родными: выбирала между мною и матерью. Неужто, стоя на перепутье, ты не понимала, что любая дорога все равно оканчивается у врат Худа? Ну что же, мама, по крайней мере, теперь воссоединилась со своим возлюбленным супругом...»

Фелисин смотрела, как Тавора быстро проинспектировала свою охрану, а затем что-то сказала спутнице, после чего Ян'тарь повернула лошадь к Восточным воротам.

Бодэн снова хмыкнул:

— Не зевайте! Сейчас пойдет потеха!

Одно дело — обвинить императрицу в убийстве, и совсем другое — предсказать ее следующий шаг.

«Если бы только они вовремя прислушались к моим словам».

Геборик поморщился, шаркая по мостовой: кандалы больно врезались в лодыжки.

Люди образованные и утонченные во всей красе проявили свою мягкотелость: изнеженность и чувствительность стали отличительными признаками благородного происхождения. Да, аристократам жилось легко и безопасно, но в этом-то и было все дело: они стали живым символом непоказного изобилия, которое жгло нутро бедным ничуть не меньше, чем явная демонстрация богатства.

Геборик это прямо сказал в своем трактате и теперь не мог подавить горькое восхищение перед императрицей и адъюнктессой Таворой, которую Ласин назначила инструментом возмездия. Показная жестокость полуночных арестов — двери особняков выламывали, аристократов прямо в нижнем белье вытаскивали из постелей под вой перепуганных слуг — стала для знати первым и самым сильным потрясением. Осоловевших от недосыпа благородных господ

скрутили, заковали в кандалы и привели на суд пьяного магистрата и присяжных — нищих, которых притащили с соседней улицы. Это была настоящая пародия на правосудие, которая убила последнюю надежду на достойное обращение — разом сорвала весь налет цивилизации, оставив только хаос и дикость.

«Тавора хорошо знала себе подобных, знала их слабости — и безжалостно это использовала, целясь прямо в беззащитное мягкое брюшко: одно потрясение накладывалось на другое. Но что же заставляет новую адъюнктессу действовать настолько жестоко?» — вновь и вновь недоумевал Геборик.

Услышав новости о Великой чистке, бедняки наводнили улицы; они кричали от восторга, громко восхищаясь своей императрицей. Затем начались тщательно подготовленные беспорядки: волна грабежей и убийств прокатилась по аристократическому кварталу столицы. Аресты знати не были поголовными: Ласин дала черни ровно столько жертв, чтобы утолить жажду крови, выместить ярость и ненависть к аристократам. А затем порядок в Унте был восстановлен: не хватало еще, чтобы город сожгли.

Императрица очень редко совершала ошибки. Она воспользовалась ситуацией, дабы избавиться от независимых ученых и инакомыслящих, а заодно сжать столицу в железном кулаке армии, провозглашая необходимость увеличить численность войск, набрать новых рекрутов, усилить защиту от предателей-аристократов, которые плели заговоры. Отошедшие короне богатства позволили финансировать разросшуюся армию. Этот не слишком оригинальный, но весьма действенный прием, подкрепленный силой специально изданного Эдикта о Великой чистке, был использован во всех провинциях, и теперь в каждом городе Малазанской империи набухал жестокий гнев толпы.

Наблюдая за действиями Ласин, историк вновь и вновь испытывал горькое восхищение. Геборику вдруг захотелось плюнуть прямо на мостовую, а ведь он не делал этого со дней своей юности, когда был еще только простым карманником в Мышином квартале города Малаза. Он видел потрясение, написанное на большинстве лиц тех, кто шагал в шеренге узников. Ну до чего же жалко выглядели эти люди в ночных рубашках, грязных и мокрых от пребывания в темнице, — их

лишили даже нормальной одежды. Растрепанные волосы, потухшие глаза, сгорбившиеся спины — все, что только мечтала увидеть толпа простолюдинов, которая стремилась растоптать аристократов...

«Добро пожаловать на улицы столицы!» — подумал Геборик, когда стражники заставили шеренгу двинуться.

За ними пристально наблюдала адъюнктесса, которая восседала в седле: прямая как палка, с лицом таким напряженным, что от него остались одни лишь черточки — прорезь глаз, складки по бокам тонкогубого рта.

«Проклятье, да ей ведь красоты при рождении явно не отсыпали. В отличие от младшей сестры, той самой девчонки, которая теперь ковыляет на шаг впереди меня».

Внимательные глаза Геборика впились в адъюнктессу с любопытством — может быть, даже с проблеском зловещего удовольствия, — и вот ее ледяной взор, пробегая по шеренге, на кратчайший миг задержался на Фелисин. Но только на одно мгновение, знак узнавания — ничего больше. А затем взгляд Таворы двинулся дальше.

Стражники распахнули Восточные ворота в двух сотнях шагов от первых узников. Под сводами древней арки прокатился рев; волна звука, врезавшись в стражников и заключенных, отразилась от стен и взлетела к небесам вместе со стайкой перепуганных голубей. Хлопанье птичьих крыльев опустилось вниз, словно вежливые аплодисменты, хотя Геборику показалось, что никто, кроме него, не заметил этой иронии богов. Он не сдержался и отвесил легкий поклон.

«Пусть Худ подавится своими проклятыми секретами. Ох, Фэнер, старый ты хряк, никуда от тебя не денешься. Так смотри же, что будет сейчас с твоим беспутным сыном».

Что-то в душе Фелисин еще сопротивлялось безумию, отчаянно боролось с неодолимой круговертью хаоса. Солдаты стояли вдоль всего Колонного проспекта в три ряда, но толпа снова и снова находила слабые места в ощетинившейся копьями стене. Фелисин словно бы со стороны видела тянущиеся в ее сторону руки, занесенные и опускающиеся на нее кулаки, размытые лица,

выныривающие из водоворота, чтобы плюнуть в нее. И так же как в душе девушки отчаянно держался последний бастион сознания, тело ее обороняли крепкие руки — руки без кистей, испещренные гноящимися шрамами культи, которые обхватили Фелисин и подталкивали вперед, только вперед. Никто не тронул жреца. Попросту не осмелился. А впереди шагал Бодэн — и вид у него был страшнее самой разъяренной толпы.

Он убивал легко. Презрительно отбрасывал в сторону тела, ревел, жестами подзывал желающих бросить ему вызов, подначивал зевак. Даже солдаты в граненых шлемах не мешали этому странному узнику, а лишь вновь и вновь изумленно смотрели на него, вздрагивая от оскорблений, и крепче сжимали руки на пиках или рукоятках мечей.

Хохочущий Бодэн, нос которому разбил метко брошенный кем-то кирпич; Бодэн, от которого отскакивали камни; Бодэн в изорванной тунике, мокрой от крови и слюны. Любого, кто попадался ему на пути, громила хватал и скручивал, гнул и ломал. Он задерживался, только если впереди что-то случилось: когда солдаты расступались, не в силах сдержать оцепление, или когда запнулась и упала госпожа Гейсен. Тогда он подхватил женщину под руки и бесцеремонно швырнул вперед, не переставая сквернословить.

Волна страха катилась перед ним, и толпа заметно присмирела. Теперь нападать стали реже, и большинство кирпичей летело мимо цели.

Марш через город продолжался. В ушах у Фелисин стоял болезненный звон. Девушка слышала все сквозь этот глухой звук, но глаза видели по-прежнему ясно, искали и находили — слишком часто — образы и картины, которых она никогда не забудет.

Узники уже видели впереди городские ворота, когда случилось самое страшное: толпа все-таки прорвала ограждение. Солдаты тут же благообразно испарились, и волна дикой жестокости выплеснулась на улицу, накрыв заключенных.

Фелисин услышала, как за спиной у нее Геборик сдавленно пробормотал:

— Ну вот, так я и знал.

Бодэн страшно заревел. Кольцо вокруг сомкнулось: пальцы яростно рвут на куски одежду, ногти впиваются в плоть. С Фелисин сдержнули

последние обрывки туники. Чья-то рука ухватила ее за волосы и дернула, пытаясь сломать шею. Девушка услышала отчаянный крик и вдруг поняла, что он вырвался из ее собственного горла. Звериный рык послышался сзади, она почувствовала, как неведомая рука судорожно сжалась, а затем исчезла. В уши хлынули новые крики.

Их подхватила волна, повела или потащила — Фелисин и сама не знала, — и тут в поле зрения девушки попало лицо Геборика: старик сплюнул на землю обрывок окровавленной кожи. Внезапно вокруг Бодэна образовалось пустое пространство. Громила пригнулся, поток отборных ругательств срывался с его разбитых губ. Правое ухо ему оторвали — вместе с волосами, кожей и плотью. Обнажившаяся височная кость влажно поблескивала. Повсюду лежали искореженные тела, лишь немногие несчастные подавали признаки жизни. У ног разбойника застыла госпожа Гейсен. Бодэн схватил ее за волосы и поднял так, чтобы всем было видно лицо пожилой дамы. Фелисин показалось, что время замерло и весь мир сжался до этого крошечного пятка, на котором разворачивалось страшное представление.

Бодэн оскалил зубы и рассмеялся.

— Я вам не какой-нибудь сопливый дворянчик! — прорычал он в толпу. — Чего вы хотите? Крови знати?

Зеваки дружно завывали, вперед потянулись жадные руки. Бодэн снова захохотал:

— Мы все равно пройдем на причал, слышите? — Он выпрямился, поднимая госпожу Гейсен за волосы.

Фелисин не могла понять, в сознании старуха или нет. Глаза ее были закрыты, на лице — под слоем грязи и разводами синяков — застыло умиротворенное выражение, она даже словно бы помолодела. Наверное, уже умерла. Фелисин молила богов, чтобы так и было.

Девушка поняла: сейчас случится что-то воистину страшное, нечто такое, что станет кульминацией всего этого кошмара. Казалось, даже сам воздух звенел от напряжения.

— Она ваша! — заорал Бодэн.

Другой рукой он ухватил госпожу Гейсен за подбородок и одним движением повернул ее голову назад. Шея хрустнула, а тело обвисло, подергиваясь. Бодэн накиннул на шею старухе цепь. Натянул потуже и начал пилить. Показалась кровь, и цепь стала похожа на разодранный

шарф.

Словно бы зачарованная, Фелисин не могла отвести глаз от ужасного зрелища.

— Смилуйся, Фэнер, — прошептал Геборик.

Толпа пораженно замолкла, даже жажда крови покинула ее, люди отступили. Появился солдат, без шлема; не сводя глаз с Бодэна, он сделал шаг, другой и остановился. За ним над толпой показались островерхие шлемы и широкие мечи «красных клинков», которые медленно прокладывали себе дорогу.

Все замерло, двигалась одна только цепь. Никто не дышал, лишь Бодэн всхрапывал от натуги. Если беспорядки и бушевали где-то, то наверняка за тысячу лиг отсюда.

Фелисин смотрела, как голова женщины дергается вперед и назад, словно бы в некоем подобии жизни. Она вспомнила госпожу Гейсен: надменную, властную, утратившую былую красоту и пытавшуюся заменить ее чувством собственного достоинства. А могло ли все быть иначе? Ах, какое это сейчас имеет значение? Даже окажись она мягкосердечной, доброй бабушкой, это все равно никак не повлияло бы на жестокость расправы.

С чавкающим звуком голова отвалилась. Бодэн посмотрел на зевак, и его зубы блеснули.

— Мы договаривались, — прохрипел он. — Вот вам то, чего вы хотели, — запомните этот день! — Он швырнул в толпу голову госпожи Гейсен, такой ком спутанных волос и потеков крови. Громкие вопли ознаменовали ее невидимое приземление.

Появились солдаты — за ними возвышались конные «красные клинки» — и медленно двинулись вперед, отталкивая онемевших горожан. Порядок восстанавливали по всей длине шеренги, жестоко и беспощадно. Когда под ударами мечей упали первые горожане, остальные мигом разбежались.

Изначально заключенных было около трех сотен. Теперь, посмотрев на шеренгу, Фелисин заметила, как мало их осталось. Кое-где кандалы были пусты, в других местах цепи продолжали держать только оторванные запястья. Меньше сотни узников еще стояло на ногах. Многие корчились на мостовой, кричали от боли; остальные вовсе не шевелились.

Бодэн покосился на ближайшую группу солдат:

— Вовремя вы подоспели, жестяные головы.

Геборик тяжело сплюнул. Его лицо подергивалось, когда он уставился на громилу:

— Ты вообразил, что откупишься, Бодэн? Дашь зевакам то, что они хотят? Да только все зря. Солдаты уже шли сюда. А старуха могла бы остаться в живых...

Бодэн медленно обернулся, его лицо покрывала кровавая корка.

— Ради чего, жрец?

— Значит, так ты рассуждаешь? Мол, она бы все равно умерла в трюме, да?

Бодэн оскалился и медленно проговорил:

— Ох, до чего же я ненавижу заключать сделки с ублюдками.

Фелисин посмотрела на три фута цепи, отделявшие ее от разбойника. Было о чем подумать: и о прошлом, и о том, что произошло сегодня. Но она лишь тряхнула головой и вдруг сказала:

— А ты больше ни с кем не заключай сделок, Бодэн.

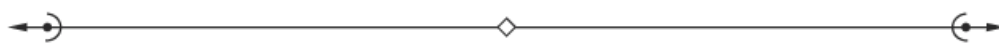
Он прищурился, глядя на девушку. Эти ее слова и сам тон каким-то образом задела громилу.

Геборик выпрямился и смерил Фелисин взглядом. Она отвернулась: отчасти — чтобы досадить историку, а отчасти — от стыда.

В следующий миг солдаты, которые уже убрали из цепей мертвецов, погнали живых узников вперед, через ворота, на Восточную дорогу, ведущую к портовому городку под названием Неудачник. Там их ждали адъютантесса Тавора и корабли работоторговцев из Арэна.

Крестьяне столпились у дороги, но не выказывали и тени той ярости, которая кипела в сердцах горожан. На их лицах Фелисин увидела совершенно иное выражение — глухую скорбь. Девушка не могла понять, откуда взялась эта скорбь, но чувствовала, что жизнь преподнесет ей еще много уроков, которые придется выучить. Так что синяки и царапины, беспомощность и нагота — это лишь начало.

Книга первая

РАРАКУ

У ног моих он плыл,
Могучими руками загребая
Песок текучий.
И спросил я: «По какому
Плывешь ты морю?»
На что ответил он:
«Ракушки видел я, и панцири, и кости
В пустыне на песке,
Поэтому плыву по памяти земли,
Так чту ее я прошлое». —
«Далеко ль держишь путь?» — я спросил.
Ответил он: «Не знаю сам.
Ведь утону задолго до того,
Как доберусь до цели».

Тэни Бьюл. Речи шута

Глава первая

И все пришли, чтобы оставить
Свой след на том пути,
Вдохнуть ветра сухие
И заявить права
На Восхождение.

Мессремб. Тропа Ладоней

1164-й год Сна Огни

Десятый год правления императрицы Ласин

Шестой из Семи годов Дриджны (Апокалипсиса)

Исполинский плюмаж из пыли пронесся по долине и направился дальше, в непроходимые пустоши Пан'потсун-одана. Хотя до этой движущейся воронки было не больше пары сотен шагов, казалось, что она появилась из ниоткуда.

Маппо Рант, стоявший на самой вершине плоского холма, проводил ее взглядом своих удивительных, песочного цвета глаз, глубоко сидевших на костистом бледном лице. В руке, покрытой с наружной стороны щетиной, он сжимал кусочек кактуса-эмрага, не обращая ни малейшего внимания на впившиеся в кожу ядовитые шипы. Потеки сока окрасили его подбородок в голубой цвет. Маппо жевал кактус медленно и задумчиво.

Рядом с ним Икарий швырнул с края гряды камешек. Тот прогрохотал вниз, вплоть до усыпанного валунами подножия. Под изорванным балахоном духовидца (когда-то оранжевым, а теперь выцветшим под немеркнущим солнцем до цвета ржавчины) серая кожа потемнела и стала оливковой, как будто древняя кровь отца Икария откликнулась на зов этой пустыни. Пот стекал по длинным, заплетенным в косицы черным волосам и падал крупными каплями на белесые камни.

Маппо вытащил застрявший между передними зубами шип.

— У тебя краска потекла. — Он поглядел на кактус и откусил еще кусок.

Икарий пожал плечами:

— Теперь уже не важно. Здесь это не имеет значения.

— Даже моя слепая бабушка не поверила бы в твой маскарад. На нас косо смотрели в Эрлитане. Я днем и ночью чувствовал спиной настороженные взгляды. Таннойцы все-таки по большей части низенькие и кривоногие. — Маппо оторвал взгляд от пыльного облака и критически оглядел друга. — В следующий раз попытайся выбрать племя, где все ростом в семь футов, — проворчал он.

Иссеченное морщинами лицо Икария на миг сложилось в улыбке, вернее, в намеке на улыбку, а затем снова приобрело обычное бесстрастное выражение.

— Те, кто могут опознать нас в Семиградье, уже сделали это, а все прочие пусть гадают, коли на большее неспособны. — Прищурившись против солнца, он кивнул в сторону песчаного вихря. — Что ты видишь, Маппо?

— Плоская голова, длинная шея, черный, весь порос шерстью. Кабы только это, был бы похож на одного из моих дядюшек.

— Но это ведь еще не все.

— Одна нога спереди, две — сзади.

Икарий задумчиво постучал пальцем по горбинке носа:

— Значит, это не один из твоих дядюшек. Может, апторианский демон?

Маппо медленно кивнул:

— До схождения всего несколько месяцев. Думаю, Престол Тени почувал что-то и выслал разведчиков.

— Ну и что скажешь про этого аптори?

Маппо ухмыльнулся так, что показались мощные клыки:

— Далековато демон забрался. Теперь служит Ша'ик.

Он доел кактус, вытер широченные ладони и поднялся. Потянулся, выгнул спину и поморщился. Прошлой ночью под его спальным мешком обнаружилось бесчисленное множество скрытых в песке корней, и теперь мышцы по обе стороны хребта в точности повторяли узор этих костяных пальцев несуществующих деревьев. Маппо потер глаза. Глянул на себя и обнаружил изорванную, покрытую коркой грязи

одежду. Он вздохнул:

— Говорят, где-то здесь должен быть колодец...

— Возле которого разбила лагерь армия Ша'ик.

Трелль недовольно хмыкнул.

Икарий тоже выпрямился и в который уже раз отметил огромные габариты своего спутника — большого даже по меркам треллей, — широкие, поросшие черным волосом плечи, мускулистые длинные руки. А уж какой он был древний: тысячелетия проносились перед глазами Маппо с резвостью лани.

— Можешь его выследить?

— Если захочешь, смогу.

Икарий скривился:

— Сколько времени мы знакомы, друг мой?

Маппо ответил настороженным взглядом, затем пожал плечами:

— Давно. А что?

— Я умею распознать нежелание в голосе. Тебя тревожит то, что может случиться?

— Любая возможная стычка с демонами меня тревожит, Икарий. Ты же знаешь: этот трелль Маппо труслив как заяц.

— Но я сам не свой от любопытства.

— Понимаю.

Странная парочка вернулась к крошечному лагерю, который разбила между двумя высокими, обтесанными ветром скалами. Друзья не спешили. Икарий присел на плоский камень и продолжил натирать маслом свой длинный лук, чтобы древесина не сохлась. Покончив с этим, он взялся за палаш: вытащил старинное оружие из украшенных бронзовыми пластинами ножен и стал прохаживаться точилом по иззубренному лезвию.

Маппо толчком опрокинул палатку из шкур, небрежно свернул ее и засунул в свой большой кожаный мешок. За палаткой последовали спальные мешки и нехитрая посуда. Трелль затянул тесемки, повесил мешок на плечо и взглянул на Икария, который уже завернул лук в ткань, забросил его за спину и теперь дожидался друга.

Икарий кивнул, и оба — яггут-полукровка и чистокровный трелль — зашагали по тропинке, ведущей в долину.

На небе ярко светили звезды, их сияния хватало, чтобы покрыть растрескавшуюся поверхность долины налетом серебра. Вместе с дневной жарой пропали и кровные слепни, уступив власть над ночью немногочисленным роям накидочников и похожим на летучих мышей ящерицам-ризанам, которые ими питались.

Икарий и Маппо устроили привал на широком дворе посреди каких-то развалин. Стены из глинобитного кирпича почти рассыпались, остались лишь не доходившие до колена гребни, выложенные геометрически правильными узорами вокруг высохшего колодца. Плиты двора покрывал мелкий, принесенный ветром песок, который, как показалось Маппо, тускло мерцал. Жухлый кустарник цеплялся за трещины перекрученными корнями.

В Пан'потсун-одане и священной пустыне Рараку, которая примыкала к нему с запада, было немало таких памятников давно исчезнувшим цивилизациям. По пути Икарий и Маппо натыкались на высокие телли (холмы с плоскими вершинами, образовавшиеся из многих слоев древних городов), расположенные лигах в пятидесяти друг от друга между холмами и пустыней: явное свидетельство того, что когда-то богатый и процветающий народ жил на земле, которая стала теперь сухой, иссеченной ветрами пустошью. Из священной пустыни пришла и легенда о Дриджне — Апокалипсисе. Маппо поневоле призадумался, насколько бедствие, постигшее жителей этих городов, повлияло на миф о суровой поре разрушений и смерти. За исключением немногих покинутых усадеб вроде той, где путники сейчас расположились на отдых, развалины эти свидетельствовали о войне, грабежах и пожарах.

Маппо поморщился — его мысли двинулись по накатанной колее.

«Прошлое продолжает упорно хранить свои тайны, и сейчас мы ничуть не ближе к их разгадке, чем раньше. Поэтому у меня нет причин не доверять собственным словам».

И, как не раз случалось и прежде, трелль привычно отмахнулся от этих мыслей.

Неподалеку от центра двора возвышалась одинокая колонна из розового мрамора, вся покрытая выбоинами и подточенная с одной стороны ветрами, что неустанно налетали из Рараку на холмы Пан'потсуна. На противоположной стороне ее еще сохранились

спиральные ложбинки, вырезанные давно умершим каменщиком.

Как только путники вошли во двор, Икарий тотчас направился к этой шестифутовой колонне и стал придирчиво рассматривать ее. Он хмыкнул, и Маппо понял, что его друг нашел то, что искал.

— И что интересного ты заметил? — спросил трелль, сбрасывая с плеч кожаный мешок.

Икарий вернулся, отряхивая с рук песок:

— У самого основания — россыпь отпечатков, крошечные когтистые ладошки. Искатели вышли на Тропу.

— Крысы? Неужели целый выводок?

— Д'иверс, — пояснил Икарий.

— И кто же это, хотел бы я знать?

— Вероятно, Гриллен.

— Хм, неприятно.

Икарий окинул взором плоскую равнину на западе:

— Придут и другие. Одиночники и д'иверсы. Те, кто уже близок к Восхождению, и те, кто от него далеки, но все равно ищут Тропу.

Маппо вздохнул, глядя на своего старого друга. Призрачный ужас шевельнулся в его душе.

«Д'иверсы и одиночники, два проклятия оборотничества, неизлечимая хворь. Собираются... здесь. Идут сюда».

— Мудро ли это, Икарий? — мягко спросил трелль. — В поисках твоей вечной цели мы сейчас направляемся в самый центр весьма неприятного общества. Если ворота откроются, дорогу нам преградит армия кровожадных созданий, объединенных верой в то, что ворота ведут к Восхождению.

— Если такой проход существует, — проговорил Икарий, не сводя глаз с горизонта, — возможно, я найду за ним ответы на свои вопросы.

«Эти ответы не принесут тебе облегчения, дружище. Поверь мне. Пожалуйста», — подумал трелль. Но вслух сказал:

— Ты мне так и не объяснил, что собираешься делать, когда их получишь.

Икарий обернулся к другу и едва заметно улыбнулся:

— Мое проклятие, Маппо, заключается в том, что я прожил сотни лет, но мало что знаю о своем прошлом. Где мои воспоминания? Как я могу судить о собственной жизни, не обладая этим знанием?

— Многие сочли бы подобное проклятие великим даром, — возразил Маппо, и по лицу его пробежала тень печали.

— Но только не я. Это схождение для меня — шанс получить ответы. Надеюсь, что меня не вынудят обнажать оружие, но я возьмусь за него, если придется.

Трелль снова вздохнул — и поднялся.

— Боюсь, дружище, что до этого дойдет в самом скором времени. — Он взглянул на юго-запад. — По нашему следу идут шесть пустынных волков.

Икарий развернул свой лук и одним плавным движением натянул тетиву.

— Пустынные волки не нападают на людей.

— Это верно, — согласился Маппо. До восхода луны оставался еще целый час. Он увидел, как Икарий выложил перед собой шесть длинных стрел с каменными наконечниками, а затем прищурился, глядя во тьму. Холодный страх пополз вверх по шее. Волков еще не было видно, однако трелль их чувствовал. — Их шесть, но он один. Д'иверс.

«Лучше бы это оказался одиночник. Превращаться в одного зверя — само по себе неприятно, а уж в нескольких сразу...»

Икарий нахмурился:

— И весьма могущественный, коли сумел принять облик шести волков. Не знаешь, кто бы это мог быть?

— Есть подозрение, — тихо проговорил Маппо.

Оба замолчали и стали ждать.

Полдюжины покрытых рыжеватой шерстью зверей появились из неестественного сумрака в тридцати шагах от них. На расстоянии двадцати шагов волки рассыпались полукругом, не спуская глаз с Икария и Маппо. Пряный запах д'иверса заполнил ночной воздух. Один из поджарых хищников шагнул было вперед, но остановился, когда Икарий поднял лук.

— Не шесть, — пробормотал Икарий, — но один.

— Я его знаю, — заявил Маппо. — Жаль только, что сам он того же сказать о нас не может. Он не уверен, но на всякий случай принял звериный облик. Сегодня ночью кровь в пустыне проливает Рилландарас. Интересно, он охотится за нами или за кем-то другим?

Икарий пожал плечами:

— Кто будет говорить первым, Маппо?

— Я, — ответил трелль и шагнул вперед.

«Тут потребуются хитрость и коварство. Ошибка может стоить жизни».

Он произнес низким и хриплым голосом:

— Как я погляжу, далеконочко ты от дому убежал, а? Твой брат Трич думал, что убил тебя. Где там находилась эта пропасть? В Дал-Хоне? Или в Ли-Хене? Ты тогда был д'иверсом шакалов, помнится.

Рилландарас заговорил в сознании каждого из них голосом срывающимся и нетвердым, поскольку он очень давно им не пользовался: «Меня мучает искушение посостязаться в остроумии, прежде чем убить тебя, трелль».

— Не стоит, — легко откликнулся Маппо. — Я странствую в такой компании, что, как и ты, давно не упражнялся в этом, Рилландарас.

Ярко-голубые глаза вожака метнулись к Икарию.

— Я не силен в острословии, — мягко пояснил яггут-полукровка едва слышным голосом, — но я теряю терпение.

«Глупо. Только обаяние может спасти тебя. Скажи мне, лучник, неужто ты вверяешь жизнь хитроумной лжи своего спутника?»

Икарий покачал головой:

— Разумеется, нет. Я разделяю его мнение о себе.

Рилландарас был сбит с толку: «Значит, вы странствуете вместе только ради выгоды. Стали спутниками без взаимного доверия, без уверенности друг в друге. Что же, ставки, должно быть, очень высоки».

— Мне становится скучно, Маппо, — заметил Икарий.

Шесть волков вдруг оцепенели, как один.

«Маппо Рант и Икарий? Ага, теперь мы понимаем, в чем дело. Знайте же, что мы не питаем к вам вражды».

— Благоразумие одержало верх, — заявил Маппо, и его ухмылка на миг стала шире, а затем вовсе исчезла. — Ищи добычу в другом месте, Рилландарас, иначе Икарий может оказать Тричу непрошеную услугу. Ты меня понимаешь? — А про себя добавил: «Иначе он обрушит на мир все то, что я поклялся предотвратить».

«Наши дороги... сходятся там, — сказал в ответ д'иверс, — где

пролег след демона Тени...»

— Вовсе даже не Тени, — возразил Маппо. — Этот демон служит Ша'ик. Священная пустыня пробудилась.

«Похоже на то. Вы запрещаете нам охотиться на него?»

Маппо взглянул на Икария, который опустил лук и пожал плечами.

— Если хочешь скрестить клыки с апторианским демоном, это твое дело. Наш интерес он привлек лишь случайно.

«Значит, наши клыки вопьются в горло демону».

— Хочешь сделать Ша'ик своим врагом? — спросил Маппо.

Вожак стаи склонил голову набок: «Это имя мне ничего не говорит».

Оба путника смотрели, как волки отошли восвояси и вновь исчезли в магическом сумраке. Маппо ослабился, затем вздохнул, а Икарий кивнул и произнес вслух то, о чем оба они подумали:

— Ничего, скоро скажет, причем очень многое.

Виканские кавалеристы верещали и дико кричали от восторга, когда сводили своих крепких коней по трапу с имперского грузового корабля. В гавани Хиссара воцарился хаос: всюду толпились буйные кочевники обоих полов, тут и там над заплетенными в косицы черными волосами и остроконечными шлемами поблескивали железные наконечники копий. Расположившись на наблюдательном пункте у парапета припортовой башни, Дукер смотрел на эту жутковатую иноземную армию с большой долей скепсиса и растущей тревогой.

Рядом с имперским историком, сложив на пузе толстые изнеженные руки и распространяя вокруг сильный запах арэнских духов, стоял представитель первого кулака, Маллик Рэл. Он был совершенно не похож на главного советника командира всех малазанских войск в Семиградье. Официально джистальский жрец древнего бога морей, Маэля, должен был поприветствовать от имени первого кулака нового командующего Седьмой армией, однако в действительности это было завуалированным — и хорошо рассчитанным — оскорблением. Впрочем, спохватился Дукер, подобные догадки лучше держать при себе. Маллик Рэл сделал головокружительную карьеру, очень быстро став одним из главных имперских игроков в Семиградье. Чего только

не болтали солдаты об этом гладеньком невозмутимом жреце, который приобрел небывалую власть над первым кулаком Пормквалем, но все это говорилось исключительно шепотом, поскольку путь Маллика наверх сопровождался таинственными несчастьями, самым необъяснимым образом постигавшими всякого человека, который мешал ему, и приводившими, как правило, к его гибели.

Политическая трясина, где увязли малазанцы, оккупировавшие Семиградье, была непроглядной и смертельно опасной. Как Дукер подозревал, новый командующий мало что поймет в принятых здесь завуалированных знаках презрения, поскольку недостаточно разбирается в нюансах местного этикета. Этот человек вообще не был по натуре приспособленцем, а потому неизбежно возникал вопрос: как долго Колтейн из клана Ворона продержится на новом посту?

Маллик Рэл сложил пухлые губы и медленно вздохнул.

— Историк, — тихо проговорил он со своим пришепетывающим гедорско-фаларским акцентом. — Я рад твоему присутствию здесь. Равно как и заинтригован. Далеко же от Арэна ты забрался... — Жрец улыбнулся, но не показал своих выкрашенных зеленой краской зубов. — Полагаю, так проявляется осторожность, порожденная отзвуками Великой чистки, что развернулась ныне в столице.

«Слова катятся, будто волны, коварные в своем обманчивом спокойствии. Ну просто истинный жрец морского бога Маэля. Сегодня я уже в четвертый раз общаюсь с Рэлом. Ох, до чего же я не люблю этого типа!»

Дукер откашлялся.

— Императрица уделяет мне мало внимания, джистал...

Тихий смех Маллика прошелестел, словно погремушка на хвосте змеи.

— Ласин уделяет мало внимания историку или истории? Ты обиделся из-за того, что твой совет отвергли или, того хуже, вообще не выслушали? В любом случае беспокоиться не о чем. Отсюда до башен Унты очень далеко.

— Рад это слышать, — пробормотал Дукер, гадая, откуда ушлый жрец все знает. — Я остался в Хиссаре с исследовательской целью, — объяснил он через некоторое время. — Практика ссылки узников на отатараловые рудники на острове не нова, она уходит корнями во

времена императора, хотя он обычно приберегал эту судьбу для магов.

— Для магов? Любопытно.

Дукер кивнул:

— Наказание весьма действенное, однако последствия его непредсказуемы. Как известно, отатаралавая руда способна подавлять магию, однако свойства ее еще до конца не изучены. Большинство сосланных сюда чародеев лишились рассудка, но до сих пор неизвестно, что стало тому причиной: отатараловая пыль или же невозможность коснуться своего Пути.

— А среди следующей партии узников есть маги?

— Да, есть несколько.

— Тогда ты вскоре получишь ответ на свой вопрос.

— Возможно, — согласился Дукер.

Т-образную пристань захлестнула волна воинственных виканцев, перепуганных портовых рабочих и недовольно храпящих боевых коней. В самом начале пристани, возле полукруглой мощеной площади, словно пробка в горлышке огромной бутылки, застыл кордон хиссарской стражи. Стражники — все родом из Семиградья, — подняв круглые щиты и обнажив тальвары [1], грозили широкими изогнутыми клинками виканцам, которые несколько их не боялись, а, напротив, лишь всячески подначивали.

К парапету подошли двое. Дукер кивнул в знак приветствия. Маллик Рэл не удосужился заметить ни бывалого вояку-капитана, ни последнего выжившего кадрового мага Седьмой армии. Оба явно были слишком мелкими сошками, чтобы представлять интерес для бывшего жреца.

— Знаете, Кальп, — сказал Дукер приземистому седовласому чародею, — а вы, похоже, очень вовремя.

Узкое, обожженное солнцем лицо Кальпа скривилось в невеселой ухмылке.

— Я сюда сбежал, чтобы мясо на костях удержать, Дукер. Не желаю становиться мягким ковриком, с которого Колтейн шагнет прямо на свой пост. Это ведь все его люди, в конце концов. А он палец о палец не ударил, чтобы предотвратить грядущую драку. Это не делает ему чести.

Капитан согласно заворчал.

— Этот Колтейн — ну прямо кость в горле! — буркнул он. — Да, между прочим, половина местных офицеров впервые пролила кровь, сражаясь с этим ублюдком, а теперь он, видите ли, явился, чтобы принять командование. Худовы костяшки! — Капитан сплюнул. — Никто и слезинки не уронит, если хиссарская стража прирежет Колтейна и всех его виканских дикарей прямо на причале. Седьмой армии они не нужны.

— Угроза восстания вполне реальна, — полуприкрыв глаза, сказал Маллик Рэл. Обращался бывший жрец исключительно к Дукеру. Семиградье — настоящее гадючье гнездо. И Колтейн — довольно странный выбор...

— Ну, не такой уж и странный, — заметил историк, пожимая плечами.

Он снова сосредоточил внимание на том, что происходило внизу. Виканцы на причале принялись расхаживать туда-сюда перед закованным в броню семиградским кордоном. До начала полномасштабной битвы оставались считанные секунды: сейчас «бутылочное горлышко» станет полем смерти. Историк почувствовал холодок в животе, когда увидел, что многие виканцы уже натягивают тетиву на роговые луки. По улице, справа от главной колоннады, подошла еще одна рота стражников с пиками.

— Можете объяснить, что вы имели в виду? — попросил Кальп.

Дукер обернулся и с удивлением обнаружил, что все трое внимательно смотрят на него. Историк припомнил свое последнее замечание и снова пожал плечами:

— Колтейн в свое время объединил виканские племена для восстания против Малазанской империи. Покойному Келланведу нелегко было совладать с ними — это некоторые из вас знают по личному опыту. Но старый император остался верен своим привычкам и сумел, как всегда, превратить врага в союзника...

— Но как ему это удавалось? — заинтересовался Кальп.

— Никто не знает. — Дукер улыбнулся. — Келланвед редко объяснял причины своих успехов. Как бы там ни было, поскольку императрица Ласин не слишком-то жаловала любимых полководцев своего предшественника, Колтейн до сих пор гнил где-то в глухомани в Квон-Тали. Теперь положение изменилось. Адъютантесса Лорн убита в

Даруджистане, верховный кулак Дуджек Однорукий и его армия подняли мятеж и фактически провалили всю кампанию на Генабакисе, а здесь, в Семиградье, приближается год Дриджны, когда, согласно пророчествам, восстание неминуемо. Ласин нужны умелые военачальники, пока ситуация не вышла из-под контроля. Новая адъютантесса — Тавора — еще не прошла проверку. Поэтому...

— ...Императрица вспомнила про Колтейна. — Капитан кивнул и нахмурился пуще прежнего. — И отправила его сюда командовать Седьмой армией, чтобы задушить восстание...

— В конце концов, — сухо заметил Дукер, — кто лучше сумеет подавить мятеж, чем полководец, который прежде и сам был мятежником?

— Коль вспыхнет бунт, шансы его невелики, — проговорил Маллик Рэл, не сводя глаз с происходящего на причале.

Дукер увидел, как блеснули тальвары, заметил, что виканцы отступили и обнажили свои длинные ножи. Кажется, дикари нашли себе предводителя — высокого грозного воина с фетишами, вплетенными в длинные косы: он теперь ревел, подбадривая других и потрясая оружием над головой.

— Худова плешь! — выругался историк. — Ну и где же этот проклятый Колтейн?

Капитан хохотнул:

— Да вон тот, высокий, который размахивает длинным ножом.

Глаза Дукера округлились.

«Этот сумасшедший — Колтейн? Новый кулак Седьмой армии?»

— Ни капельки не изменился, как я погляжу, — продолжил капитан. — Если хочешь сохранить голову на плечах среди всех этих виканских кланов, нужно быть более злобным, чем все остальные, вместе взятые. За что, думаете, старый император так любил его?

— Храни нас Беру! — с ужасом прошептал Дукер.

Вздых спустя пронзительный вопль Колтейна заставил всех виканцев замолчать. Клинки скользнули обратно в ножны, луки опустились, а стрелы вернулись в колчаны. Даже норовистые, злобные кони замерли, подняв головы и наострив уши. Вокруг Колтейна, который повернулся спиной к стражникам, образовалось пустое пространство. Высокий воин взмахнул рукой, и четверо на башне увидели, как в

полной тишине всех лошадей аккуратно оседлали. Меньше чем через минуту виканцы уже были верхом и выстроили коней в плотный строй, который мог бы соперничать с парадным каре элитной малазанской кавалерии.

— Вот это, — сказал Дукер, — было сделано великолепно.

Маллик Рэл тихонько вздохнул:

— Дикарское поведение, звериное чутье, высокомерное презрение к опасности. Похоже, послание сие было адресовано не только стражникам, но и всем нам тоже.

— Если хотите знать мое мнение, то Колтейн — хитрый змей, — заметил капитан. — И коли верховное командование в Арэне считает, что его легко будет обвести вокруг пальца, их ждет неприятный сюрприз.

— Благодарю великодушно за предупреждение, — хмыкнул Рэл.

Капитан испуганно скривился. Ну надо же было такое ляпнуть! Он явно упустил из виду, что бывший жрец имеет самое непосредственное отношение к верховному командованию.

Кальп откашлялся:

— Колтейн выстроил виканцев для марша. Думаю, дорога до казарм окажется, как это ни странно, вполне мирной.

— Признаюсь, — с сухой иронией заметил Дукер, — я с нетерпением жду встречи с новым кулаком Седьмой армии.

Не сводя с пирса глаз под тяжелыми веками, Рэл кивнул:

— И я тоже.

Оставив позади острова Скара, рыбацкий баркас двинулся на юг и вышел в море Кансу. Его треугольный парус надулся и поскрипывал. Если ветер продержится, можно будет добраться до эрлитанского побережья часа за четыре. Скрипач нахмурился сильнее.

«Эрлитанское побережье, Семиградье. Терпеть не могу этот треклятый континент. И в первый-то раз я его возненавидел, а теперь уж и подавно».

Он перегнулся через планширь и сплюнул в теплые зеленые волны.

— Ну что, полегчало тебе? — спросил с носа Крокус, и на его юном загорелом лице отразилась искренняя забота.

Ох, до чего же старому саперу захотелось съездить прямо по этой роже! Однако он лишь невнятно заворчал и снова привалился к борту.

От руля донесся громкий смех Калама:

— Скрипач у нас с морем не в ладах, парень. Только глянь на него: зеленее, чем твоя летучая мартышка!

Кто-то сочувственно засопел рядом со щекой Скрипача. Он приоткрыл покрасневший глаз и увидел маленькое сморщенное личико.

— Проваливай, Моби, — прохрипел сжигатель мостов.

Фамильяр, который прежде служил дяде Крокуса, покойному историку Маммоту, теперь, кажется, прибился к саперу, как это частенько делали бездомные собаки и кошки. Калам, правда, утверждал, что его друг и сам прикипел душой к осиротевшему животному.

— Ох уж этот Калам! — прошептал Скрипач. — Все бы ему врать... А ведь это по его милости они целую неделю проторчали в Руту-Джелбе, в надежде, что в гавань зайдет какой-нибудь торговец из Скрея.

«„Поплывем с удобствами, а, Скрипач?“ — так говорил Калам. Ха, как будто бы это важно, они ведь вполне могли и без всяких удобств пересечь растреклятый океан. Подумать только, целую неделю провели в Руту-Джелбе, этой выгребной яме, где, куда ни глянь, одни ящерицы ползают вдоль кирпичных стен. Ну и чем в результате дело закончилось? Пришлось заплатить восемь джакат за этот пополам распиленный пивной бочонок, где дырка пробкой заткнута».

Равномерное покачивание на волнах на несколько часов усыпило Скрипача. А теперь его память вновь обратилась к невыносимо длинному путешествию, которое привело их сюда, и к невыносимо долгому странствию, что ждало их впереди.

«Никогда мы не ищем легких путей, верно? — Сапер не возражал бы, если бы вообще все моря высохли. — Недаром человеку ноги даны, а не плавники. Поскорее бы уж оказаться на суше. Хотя даже там нас не ждет ничего хорошего: нужно ведь еще пройти через полную мух пустошь, где люди улыбаются, только чтобы объявить, что сейчас тебя прирежут».

А день тянулся дальше, и все вокруг покачивалось в зеленоватом

мареве.

Скрипач подумал о товарищах, которые остались в Генабакисе, и пожалел, что не смог отправиться вместе с ними на войну с Паннионским Провидцем.

«Вообще-то, они сражаются с религиозным фанатиком, — напомнил он себе. — А такие войны — штука скверная. Фанатики никогда не руководствуются здравым смыслом».

И все равно сжигатель мостов чувствовал себя обездоленным, расставшись со своим взводом, ведь долгие годы он не знал иной жизни.

«Один Калам остался из старой компании, но он уроженец Семиградья. И кстати, тоже улыбается перед тем, как убить. А ведь Калам до сих пор так толком и не объяснил мне, что именно они с Быстрым Беном задумали».

Тут чья-то мягкая рука коснулась его плеча, и Скрипач по голосу понял, что это Апсалар.

— Смотрите, опять летучие рыбы! — воскликнула девушка. — Сотни рыб!

— Видать, кто-то гонит их из самых глубин, — проговорил Калам.

Скрипач со стоном оттолкнулся от борта и сел прямо. Моби тут же, воспользовавшись моментом, свернулся у него на коленях и закрыл свои желтые глаза. Сапер ухватился за планширь и вместе с тремя спутниками уставился на косяк летучих рыб, который показался в сотне ярдов по правому борту. Молочно-белые рыбины длиной в руку взлетали в воздух, опускались обратно на волны, футов тридцать плыли вдоль поверхности, а затем снова уходили на глубину. В море Кансу летучие рыбы были хищниками вроде акул: один их косяк за считанные минуты мог разорвать в клочья кита. Благодаря способности летать они падали на спину киту, когда тот поднимался на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

— Да кто же, во имя Маэля, охотится на них самих?

Калам нахмурился:

— Да никто тут, в Кансу, на них не охотится. В Ловцовой бездне водятся, конечно, дхэнраби...

— Дхэнраби! Ох, вот это ты меня утешил, Калам! Просто слов нет!

— Это какой-то морской змей? — спросил Крокус.

— Представь себе многоножку длиной в восемьдесят шагов, — ответил Скрипач, — которая запросто обхватывает китов и корабли, крепко их сжимает и идет ко дну, словно камень, — вместе с добычей.

— Дхэнраби очень мало, — сказал Калам, — и никогда прежде они не были замечены на мелководье.

— До сегодняшнего дня, — возразил Крокус; в голосе его звенела тревога.

И тут, бешено мотая головой и выхватывая добычу широкой, острой как бритва пастью, среди летучих рыб и впрямь вынырнул дхэнраби. Голова его была огромной — не меньше десяти саженей в ширину, а темно-зеленую чешую чудовища покрывал слой ракушек. Удивительное создание на самом деле напоминало гигантскую многоножку.

— Говоришь, восемьдесят шагов в длину? — прошипел Скрипач. — Только если его пополам распилить!

Калам поднялся у руля:

— Берись за парус, Крокус. Сейчас будем удирать. На запад.

Скрипач спихнул взвизгнувшего Моби с коленей, раскрыл заплечный мешок и стал торопливо распаковывать арбалет.

— Если этот монстр решит, что мы вкусные, Калам...

— Знаю, — прорычал убийца.

Быстро собирая крупные железные части своего оружия, Скрипач поднял глаза и встретил перепуганный взгляд Апсалар. Ее лицо побелело от испуга. Сапер подмигнул ей:

— Есть у меня один сюрприз, если этот монстр захочет нами пообедать.

Девушка кивнула:

— Я помню...

И тут дхэнраби их увидел. Отвернувшись от косяка летучих рыб, он, извиваясь, заскользил по волнам к баркасу.

— А ведь это не обычная тварь, — пробормотал Калам. — Чуешь то же, что и я, Скрипач?

«Пряный, горьковатый запах».

— Худов дух! Да это же одиночник!

— Кто? — переспросил Крокус. — Какой еще одиночник?

— Оборотень, — пояснил Калам.

В голове Скрипача вдруг зазвучал скрежещущий голос — и по выражениям лиц своих спутников сапер понял, что они тоже его услышали: «Смертные, не повезло вам увидеть меня в пути. — Скрипач фыркнул. Судя по голосу, никакого сожаления чудовище не испытывало. А мерзкая тварь продолжала: — Поэтому вам придется умереть, хотя я и не стану осквернять вашу плоть и пожирать ее».

— Очень мило с твоей стороны, — пробормотал сжигатель мостов, укладывая толстую стрелу на ложе арбалета. Железный наконечник на ней заменял глиняный шар размером с грейпфрут.

«Еще одна рыбацкая лодка таинственным образом пропала без следа, — иронично проговорил дхэнраби. — Увы и ах».

Скрипач подобрался к корме и присел рядом с Каламом. Убийца выпрямился и обратился к дхэнраби, одной рукой удерживая руль:

— Одинокник! Плыви своей дорогой — нам нет дела до твоего странствия!

«Я убью вас без излишней жестокости».

Огромная тварь рванулась к корме баркаса, рассекая воду, как корабль с острым килем. Пасть его широко распахнулась.

— Ну смотри, тебя предупреждали, — буркнул Скрипач, поднял арбалет, прицелился и выстрелил.

Стрела влетела в раскрытую пасть чудовища. Дхэнраби молниеносно сомкнул челюсти, его тонкие зазубренные клыки легко разрезали древко и разбили глиняный шар, так что в воздух посыпался скрытый в нем порошок. Последовал громогласный взрыв, который разнес голову монстра на куски.

В воду со всех сторон полетели обломки черепа и куски серой плоти. Зажигательная смесь и дальше жгла все, к чему прикасалась, так что вверх с шипением устремились облака пара. Безголовое тело продолжало по инерции двигаться вперед; оно оказалось в четырех саженьях от баркаса и лишь потом, погрузившись в воду, исчезло из виду — а последнее эхо взрыва по-прежнему звучало над волнами. Над морем поднимались небольшие клубы дыма.

— Не тех рыбаков ты выбрал, приятель, — хмыкнул Скрипач, опуская оружие.

Калам снова сел у руля и повел баркас на юг. В воздухе повисла странная тишина. Сапер разобрал арбалет и заново упаковал его в

промасленную ткань. Как только Скрипач уселся обратно на свое место, Моби снова забрался к нему на колени. Вздохнув, он почесал обезьянку за ухом.

— Ну что скажешь, Калам? И как это понимать?

— Сам не знаю, — признался убийца. — Что привело одиночника в море Кансу? Почему он хотел, чтобы его передвижение осталось в тайне?

— Если бы тут был Быстрый Бен...

— Да вот только его здесь нет, Скрипач. Придется нам записать это происшествие в загадки и надеяться, что с другими оборотнями мы не столкнемся.

— Думаешь, это связано с?..

Калам скривился:

— Нет, вряд ли.

— С чем связано? — не выдержал Крокус. — О чем вы оба говорите?

— Так, просто гадаем, — ответил Скрипач. — Одиночник плыл на юг. Как и мы.

— И?

Скрипач пожал плечами:

— И... все. Больше ничего. — Он снова сплюнул за борт и опустился на палубу. — Я с перепугу даже про морскую болезнь позабыл. А теперь вот опять вспомнил, будь она неладна.

Все замолчали, но угрюмое выражение лица Крокуса подсказывало саперу, что юноша очень скоро примется допрашивать их снова.

Продолжал дуть сильный, ровный ветер, который быстро гнал баркас на юг. Не прошло и трех часов, как Апсалар крикнула, что видит впереди землю, а еще через сорок минут Калам повернул судно и повел его вдоль побережья Эрлитана, в полулиге от кромки прибоя. Они плыли на запад, вдоль поросшей кедрами гряды, а день медленно клонился к вечеру.

— Кажется, я вижу всадников, — объявила Апсалар.

Скрипач поднял голову и вместе с остальными посмотрел на вереницу всадников, которые скакали вдоль берега по гряде.

— Я насчитал шестерых, — сказал Калам. — И у второго конника...

— ...Имперская хоругвь, — закончил Скрипач и поморщился от

неприятного привкуса во рту. — Курьер и эскорт уланов...

— Скачут в Эрлитан, — добавил Калам.

Скрипач обернулся и посмотрел в глаза капралу: «У нас, похоже, неприятности?»

«Вполне возможно».

Ни один из них не произнес вслух ни слова, но они прекрасно поняли друг друга — слишком много лет сражались бок о бок.

— Что-то не так? — насторожился Крокус.

«А мальчишка-то соображает».

— Сложно сказать, — пробормотал Скрипач. — Да, они нас заметили, но что́ они видели? Четверых рыбаков на баркасе: семья из Скрея направляется в порт, чтобы погулять по большому городу.

— На юге есть деревенька, сразу за рощей, — сказал Калам. — Не пропусти устье речушки, Крокус, и пляж без плавника: дома там с подветренной стороны гряды. Хорошая у меня память, а, Скрипач?

— Неплохая, но поскольку ты местный, то удивляться не приходится. И сколько оттуда до города?

— Десять часов пешком.

— Так близко?

— Ага.

Скрипач замолчал. Имперский курьер и его охрана спустились с гряды и, повернув на юг, к Эрлитану, скрылись из виду. Согласно плану, путешественники должны были приплыть прямо в древнюю людную гавань священного города так, чтобы никто не обратил на них внимания. Скорее всего, курьер вез послание, которое вовсе их не касалось, — они ничем не выдали себя с тех пор, как добрались до имперского порта Каракаранг из Генабакиса. Они приплыли туда на торговом судне синих морантов, а в качестве оплаты за проезд работали на корабле наравне с матросами. Дорога по суше из Каракаранга в Руту-Джелбу шла через Талгайские горы: это был излюбленный маршрут таннойских паломников, так что затеряться среди множества народа труда не составило. Да и затем, всю неделю в Руту-Джелбе, они вели себя тише воды ниже травы. Только Калам выходил каждую ночь на прогулку в портовый квартал, чтобы найти корабль, который перевезет их через Отатараловое море на материк.

В самом худшем случае кто-нибудь из чиновников получил

донесение о том, что два вероятных дезертира в компании генабакийца и какой-то девчонки прибыли на земли империи, — вряд ли такая весть способна всколыхнуть малазанское осиное гнездо аж до самого Эрлитана. Так что Калам, скорее всего, просто проявляет свою обычную подозрительность.

— Вижу устье речки, — объявил Крокус, указывая на берег.

Скрипач покосился на Калама, и между ними вновь произошел безмолвный разговор: «Враждебные земли. Ну что, дружище, придется нам затаиться?»

«Будем скакать тихо, словно кузнечики, Скрипач».

«Ох, Худов дух!»

Сапер снова посмотрел на берег, побледнел и прошептал:

— Ненавижу Семиградье. — У него на коленях заворочался и зевнул Моби, распахнув пасть, полную тонких и острых как иглы зубов. — Ты спи сколько хочешь, малыш, — сказал Скрипач и поежился.

Калам повернул руль. Крокус занялся парусом: за два месяца пути через Ловцову бездну юноша набрался опыта, так что баркас легко шел по ветру, а истрепанный парус едва приподнимал переднюю шкаторину [2]. Апсалар поерзала на скамье, потянулась и одарила Скрипача улыбкой. Сапер нахмурился и отвел глаза.

«Тряхани меня Огнь, надо следить за собой: нечего рот разевать всякий раз, как девчонка мне улыбается. Апсалар ведь когда-то была совсем другой. Безжалостной убийцей, клинком бога. Такое вытворяла, что и вспомнить страшно... К тому же она ведь сейчас вместе с Крокусом, так? Вот мальчишке счастье привалило, а на мою долю остались лишь траченные оспой каракарангские шлюхи... — Сапер встряхнулся и заключил: — Эх, Скрипач, слишком долго ты пробыл в море, это явно не пошло тебе на пользу!»

— Никаких лодок я не вижу, — заметил Крокус.

— Они в верховье реки, — проямлил сжигатель мостов и поскреб в бороде ногтями, пытаясь выгнать оттуда вошь. Вскоре он поймал ее, раздавил и бросил за борт.

«Десять часов пешком, а потом — Эрлитан, и баня, и бритье, и молодая кансуанка с гребнем, да еще целая ночь в придачу».

Крокус толкнул его в бок:

— Что, Скрипач, воспоминания оживают?

— И представить себе не можешь, сколько тут всего случилось.

— Ты же был здесь во время завоевания, да? Когда Калам еще сражался в другом лагере — за святых фалах'дов Семиградья, — но на стороне императора выступили т'лан имассы и...

— Хватит! — Скрипач отмахнулся. — Мне это напоминать не надо, и Каламу тоже. Все войны — дерьмо, но эта оказалась похуже прочих.

— А правда, что ты был в отряде, который гнался за Быстрым Беном по священной пустыне Рараку, а Калам служил вам проводником, только они с Беном задумали вас предать, но Скворец это уже понял и...

Скрипач гневно возрился на Калама:

— Одна ночь в Руту-Джелбе за кувшином фаларского рома — и этот малец знает больше, чем любой имперский историк! — Сапер снова обернулся к Крокусу. — Слушай, сынок, лучше тебе побыстрее забыть все, что этот пьяница наговорил тебе той ночью. Прошлое и так уже сидит у нас на хвосте — не надо ему помогать.

Крокус провел рукой по своим длинным черным волосам.

— Ладно, — тихо сказал он, — но если в Семиградье так опасно, то почему мы не отправились прямо в Квон-Тали, где прежде жила Апсалар, чтобы найти ее отца? Зачем мы так старательно прячемся, да еще и на другом континенте?

— Все не так просто, — проворчал Калам.

— Да в чем дело-то, можете объяснить? Я думал, что мы отправились в путь ради Апсалар. — Крокус взял руку девушки и нежно сжал ее в ладонях, наградив при этом Калама и Скрипача суровым взглядом. — Вы оба сказали, что считаете своим долгом ей помочь. Дескать, то, что произошло с нею, было несправедливо, и вы хотите все исправить. Но теперь я начинаю думать, что это только одна из причин. На самом деле вы двое что-то задумали. Решили сопровождать Апсалар домой? Ха, да это только повод, чтобы вернуться в эту свою Малазанскую империю, хоть вас там официально объявили вне закона. И что бы такое ни было у вас на уме, вам обязательно нужно было попасть сюда, в Семиградье. И в результате нам сейчас приходится прятаться, всего пугаться, шараться от каждой тени, будто за нами гонится вся малазанская рать. — Он замолчал, глубоко вздохнул и продолжил: — Вот что, мы с Апсалар